

гусеницъ, хрущей и прузей, мышей, щуровъ и критицъ, и различныхъ родовъ мухъ, и мушицъ, и молій и мравіевъ, оводовъ же и ось, и многоножницъ, и многообразныхъ родовъ ползающихъ по земли животныхъ и летающихъ птицъ—вполнѣ отвѣчало его вѣрованіямъ и душевному складу.

Приведенное мною „Указаніе, како приступити ко изысканію клада“, какъ и другіе „апокрифы, всѣ эти „Сны Богородицы“, „сказанія о двѣнадцати пятницахъ“ и т. д. и т. под., сильно распространены въ народѣ и составляютъ весьма важный въ историческомъ и этнографическомъ отношеніи материалъ, рисующій религіозныя понятія и вѣрованія народа, которые сложились въ немъ въ сѣдой дали вѣковъ и сохраняются до сихъ поръ, переидетъ съ христіанствомъ. Особенное вниманіе этимъ апокрифамъ должно удѣлить духовенство, больше всѣхъ повинное въ живучести народныхъ суевѣрій. Эти апокрифы показываютъ, въ какихъ грубыхъ формахъ народъ усвоилъ христіанское ученіе, какой ложный составился въ немъ взглядъ на вѣру и благочестіе, сколько суевѣрій примѣщалъ онъ къ религіознымъ представленіямъ, какъ измѣнилъ и исказилъ многія события библейской исторіи и разсказы изъ житій святыхъ.

И я зову всѣхъ, кому дорого народное, на борьбу всѣми силами со тьмою и суевѣріями.

Вл. Макаровъ.

Конгрессъ эсперантистовъ-католиковъ.

(30 марта—3 апрѣля).

I.

3 апрѣля нов. ст. въ Парижѣ, въ институтѣ католиковъ долженъ собраться конгрессъ католиковъ-эсперантистовъ. Эсперанто—это искусственно придуманный языкъ, имѣющій своею цѣлью объединить всѣ народы міра сначала единствомъ языка, а потомъ уже и братской взаимностью.

Передовые люди римско-католической церкви, понявъ всѣ огромныя послѣдствія отъ примѣненія этого языка для пользы

католической церкви, съ присущей имъ энергией принялись за распространение этого языка между католиками всего міра. Въ настоящее время это дѣло у нихъ имѣть большой успѣхъ, они уже издаются на этомъ языкѣ свою специальную церковную газету, подъ названіемъ „Espero Katolika“ („Католическая Надежда“), и ведутъ сложную переписку со всѣми концами міра съ цѣлью пропаганды католичества между не принадлежащими къ нему и съ цѣлью болѣе активнаго единенія между своими же—католиками, принадлежащими къ разнымъ племенамъ и народамъ и говорящими на различныхъ языкахъ. На конгрессахъ (ежегодныхъ) эсперантистовъ міра, они служатъ литургіи и произносятъ проповѣди на этомъ языкѣ. Для всякаго понятно, насколько важны такія служенія и проповѣди въ смыслѣ пропаганды. Нынѣ католики рѣшили создать міровую организацію, подъ названіемъ „Tutmonda Katolika Unigo Esperantista“ („Всемірный католический эсперавтистский союзъ“), агенты котораго будутъ разбросаны по всему лицу земли. Уставъ организаціи уже выработанъ на 5 конгрессѣ эсперантистовъ, бывшемъ въ Барселонѣ (въ Испаніи) въ августѣ мѣсяца 1909 года, окончательное же его одобреніе и самая организація союза послѣдуютъ въ свободное пасхальное время католической пасхи 1910 года. На это время, и именно, какъ сказано выше, на 30 марта—3 апрѣля, назначенъ 1-й конгрессъ католиковъ-эсперантистовъ, на которомъ собственно и должно завершиться дѣло организаціи союза.

Дѣло конгресса поставлено очень широко. Эсперанская газеты всего міра, а также и не эсперантскія, оповѣстили міръ объ этомъ конгрессѣ. Папа римскій далъ свое „апостольское“ благословеніе, а архіепископъ парижскій разрѣшилъ конгрессу имѣть свои засѣданія въ Institutъ Catolique (высшая католическая школа). Устроители конгресса принимаютъ всѣ мѣры къ тому, чтобы онъ былъ какъ можно многолюднѣ. Не только приняты заботы объ удобствахъ житья и пищи, но организована встреча на вокзалахъ въ Парижѣ приѣзжающихъ иностранцевъ и о размѣщеніи ихъ по квартирамъ. Французскія желѣзныя дороги дѣлаютъ скидку 50% за проѣздъ на конгрессъ и обратно.

Работы конгресса объявлены въ такомъ порядкѣ (цитирую переводя изъ „Espero Katolika“, № 62):

„Рѣшено, что на нашемъ первомъ конгрессѣ мы не будемъ „глубоко обсуждать нашу программу, но по преимуществу мы „займемся ею съ специальной точки зрења, а именно: будемъ изучать, какими средствами мы, католики-эсперантисты, будемъ помогать церкви посредствомъ эсперанто.

„Для этого необходимо, чтобы мы имѣли точные, ясныя и „законченныя свѣдѣнія изъ всѣхъ странъ съ различныхъ точекъ „зрења.

„Самая программа раздѣляется на двѣ части:

„I. Идеалъ католичества.

„II. Служеніе церкви.

Въ первую часть входятъ три темы:

а) *Единеніе въ церкви.* Чтеніе общаго рапорта обо всемъ касающемся этого вопроса по полученнымъ свѣдѣніямъ посредствомъ эсперанто изъ различныхъ странъ. Диспуты и практическое заключеніе о нашихъ дѣйствіяхъ по этому вопросу.

б) *Международный миръ.* Чтеніе общаго доклада „о христианскомъ миролюбіи“ и трудахъ католиковъ для достижения этой цѣли по свѣдѣніямъ, полученнымъ посредствомъ эсперанто изъ различныхъ странъ. Диспуты и практическое заключеніе.

в) *Обществоно-христіанское дѣло.* Возстановленіе христиацкихъ принциповъ справедливости. Общій докладъ, диспуты и практическое заключеніе.

Также три темы входятъ и въ часть 2-ю:

а) *Эсперанто, какъ орудіе освѣдомленности.* Общій рапортъ о материальномъ и нравственномъ положеніи церкви въ различныхъ странахъ, по документамъ и свѣдѣніямъ, полученнымъ посредствомъ эсперанто. Диспуты и заключенія.

б) *Эсперанто—орудіе защиты.* Необходимость мірового католического союза для защиты вѣры и отвѣтовъ на клеветы безбожническихъ газетъ на церковь. Главный докладъ объ организаціи „мірового католического эсперантскаго союза“. Диспуты и заключенія.

в) Эсперанто—орудіе пропаганды. Общій докладъ о пользѣ эсперанто на международныхъ католическихъ конгрессахъ, съѣздахъ, паломничествѣ и распространеніи католичества. Диспуты и заключенія".

Въ виду обширности программы рѣшено, чтобы успѣть закончить ее въ такой короткій срокъ, какъ дни конгресса (5 дней), прибѣгнуть къ такому способу веденія собраній:

На каждую тему избирается особый докладчикъ. Къ нему поступаютъ всѣ полученные доклады, изучивъ которые, онъ составляетъ изъ нихъ одинъ общій свой, который и зачитывается на собраніи. Послѣ чего дается слово всякому желающему говорить по заслушанному докладу (рѣчи не должны длиться болѣе 20 минутъ). Пренія разрѣшены всякому. Всякій вопросъ решается въ одно засѣданіе, дѣлающееся два часа.

Судя по этому удобному расположению работъ,—въ 5 дней действительно все будетъ закончено.

Устроители конгресса въ концѣ программы добавляютъ: „дѣломъ наиболѣе интереснымъ на конгрессѣ является то, что англійскіе пасторы и восточно-православный прелатъ предложили высказать свои мнѣнія на конгрессѣ по поводу объединеніи церквей".

По соображеніямъ, что присутствіе на этомъ конгрессѣ кого-либо изъ старообрядческихъ начетчиковъ можетъ принести и нашей св. Христовой Церкви пользу, я, посовѣтовавшись съ нѣкоторыми изъ своихъ братій-начетчиковъ, а также и съ своимъ мѣстнымъ епископомъ, рѣшилъ принять участіе въ трудахъ конгресса. Съ этой цѣлью я запросилъ учредителей конгресса: допустить ли они мое присутствіе на конгрессѣ и позволить ли сдѣлать докладъ о нашихъ взглядахъ на единеніе церквей и о положеніи нашей св. Христовой Церкви въ Россіи въ его прошломъ и настоящемъ. Въ отвѣтъ я получилъ выраженіе живѣйшаго интереса къ моему присутствію и полную готовность предоставить мнѣ слово, при чёмъ сообщалось, что присутствіе старообрядцевъ на конгрессѣ произведетъ важное впечатлѣніе даже въ высокихъ католическихъ средахъ.

Послѣ первого обмѣна письмами съ Парижемъ, я получилъ изъ Брюсселя (Бельгія) отъ профессора тамошняго католического

института Аустина Ричардсона письмо, въ которомъ онъ, убѣждая меня пріѣхать на конгресъ, увѣряетъ, что и я, и всѣ, кто со мною поѣхалъ бы, встрѣчены будутъ въ Парижѣ братскими привѣтаніями мира.

Послѣ сего, посовѣтовавшись еще разъ съ своими одновѣрцами, я рѣшилъ окончательно поѣхать въ Парижъ. Является возможность использовать этотъ конгресъ въ нашихъ цѣляхъ. Упаковать случая нѣть смысла; пословица говорить — не жди случая, а лови его.

Благополучно пройдя всѣ мытарства по получению заграничнаго паспорта, я, ввиду такого далекаго путешествія и важнаго дѣла, совершивъ Господу Богу напутственный молебень и взявъ благословеніе отъ мѣстныхъ пастырей, 9 сего марта выѣхалъ съ мѣста своего жительства.

II.

Отправляясь на конгресъ, я написалъ докладъ, въ которомъ изложилъ свои мысли по поводу положенія въ прошломъ и настоящемъ св. Христовой Церкви; о причинахъ дѣленія церквей и о средствахъ для ихъ единенія вновь. Содержаніе доклада изложено мною на языкѣ эсперанто. Вотъ его русскій переводъ:

Высокочтимые милостивые государыни и государи!

Мое первое слово я хочу начать подтвержденіемъ того, что нашъ дорогой эсперанто, дѣйствительно есть орудіе для единенія братьевъ-людей въ общемъ и для единенія церквей Христа въ частности. Но его одного не достаточно для этой цѣли. Человѣчеству для этого не хватаетъ еще чего-то. Это что-то, есть недостатокъ пониманія полностью ученія Иисуса Христа.

Въ мірѣ существуетъ много Христіанскихъ церквей, но они не въ единеніи. И не только нѣть единенія между христіанскихъ церквей, принадлежащихъ къ различнымъ народамъ и говорящихъ на разныхъ языкахъ, но также нѣть этого единенія и между церквей, принадлежащихъ и къ одному народу и говорящихъ однимъ языкомъ.

Это удивительно, но это такъ!

Напримѣръ: я — христіанинъ восточно-православный изъ Россіи. Въ Россіи двѣ главныхъ церкви восточно-православныхъ. Одна изъ нихъ называется новообрядческая, другая старовѣрческая или старообрядческая. Послѣдователей новой религіи (только великороссовъ) около 35—40 миллионовъ, послѣдователей старой религіи около 15—20 миллионовъ (тоже великороссовъ). — Эти ре-

лигії, принадлежа къ одному народу, говоря однимъ языкомъ, однако же находятся въ единеніи. Почему же? я спрошу.—Потому, отвѣщаю, что каждая изъ нихъ *различно понимаетъ учение Иисуса Христа*.

Я лично—старовѣръ.

Мы, послѣдователи старовѣрчества, къ сожалѣнію, не можемъ быть въ единеніи съ нашими братьями по крови, никоніанами, какъ мы обычно называемъ послѣдователей реформъ патріарха Никона. И это благодаря тому, что мы не можемъ признать за учение Иисуса Христа гоненія на людей различно мыслящихъ по религіознымъ вопросамъ. Но наши братья никоніане признали это какъ законъ, какъ догматъ на соборѣ 1666 г.

Такъ какимъ же образомъ мы можемъ быть въ единеніи съ этими гонителями, которые не только признали гоненія какъ учение Иисуса Христа, но, послѣдую этому исповѣданію, они жестоко гнали насть?

Гоненія были такъ ужасны, что я не въ состояніи выразить ихъ ужасъ. Не только люди (я не говорю—люди-христіане), но я думаю, что самъ дьяволъ не можетъ выдумать тѣхъ мученій, которыми они мучили нашихъ праотцевъ старовѣровъ. Мученія были всевозможныхъ видовъ, какъ напримѣръ: вырѣзываніе языковъ, рубленіе головъ, рубленіе, такъ называемое по-русски «четвертованіе», при которомъ человѣку отрубали сначала одну руку, потомъ ногу, затѣмъ другую руку и другую ногу и только потомъ ужъ отрубали и голову; они ихъ сжигали огнемъ, обливали на морозѣ ледяною водою и, замораживая, дѣлали изъ нихъ ледяные статуи; ссылали въ ссылку въ далекія области страны, где нѣтъ ни людей, ни хлѣба и где царствуютъ только морозы да дикие звѣри. Однимъ словомъ, съ ними дѣлали все, что только можетъ выдумать безуміе дикаго звѣря, обладающаго человѣческимъ разумомъ. Это продолжалось 250 лѣтъ.

Мало они насть беспокоили только въ годахъ 1905—1906, когда «безбожники»-революціонеры и война съ Японіей ослабили правительство, и когда оно нуждалось зарасположить жителей страны въ свою пользу. Но теперь, когда реакція побѣдила, снова начинаются старая дѣла. Мы снова ожидаемъ съ часу на часъ гоненія, а возможно даже и мученія.

Я снова спрашиваю: можемъ ли мы быть въ единеніи съ этими гонителями? Можемъ ли мы называться братьями о Христѣ съ тѣми, которые только насмѣхаются надъ учениемъ Иисуса Христа? Эти люди называютъ себя во имя Христа—христіанами. Но на самомъ дѣлѣ христіане ли они? Нѣть, совершенно нѣть: тѣ, которые называютъ себя христіанами, но дѣлаютъ дѣла дьявола, не суть христіане; они суть слуги дьявола, который есть единственный отецъ гоненій. «Недостаточно носить имя христіанина,—но надо имъ быть»,—говорить мужъ апостольскій св. Игнатій.

И поистинѣ это такъ! Что значитъ носимое мною имя христіанина, когда дѣла мои суть дѣла антихриста? Какимъ же образомъ я буду братомъ слугамъ антихриста?

Нѣть. Совершенно невозможно! Я не только не могу, но я даже обязанъ имъ не быть.

Св. Іоаннъ Златоустый говорить: «лучше добрая война, чѣмъ позорный міръ»...

Мы должны воевать доброю войною со зломъ человѣка. Но воевать съ

нимъ—любовью, учениемъ святымъ Господа нашего Иисуса Христа. *Мы должны добиваться всеобщей любви.*

Я чувствую, милостивые государи и государыни, что вы мнѣ сочувствуете и раздѣляете мою точку зрењія.

Вотъ въ какомъ положеніи находится въ Россіи Церковь Христа, такъ называемая старообрядческая.

Въ странахъ Западной Европы положеніе церквей никакъ не лучше.

Простите мнѣ пожалуйста: я позволю себѣ думать, что я говорю не просто къ католикамъ, но къ католикамъ-эсперантистамъ, что далеко не одно и то же. Съ католиками-эсперантистами, моими одноязычниками, я знакомъ по журналу «Espero Katolika» и изъ него вижу, что мы не только одноязычники, но даже единомышленники. Но этого я не могу сказать о всемъ католичествѣ. Я надѣюсь, господа слушатели что вы меня поймете и простите, если я скажу что-либо о католичествѣ не совсѣмъ хорошее: оно вѣдь въ своемъ прошломъ недалеко ушло отъ никоніанства. Я позволю себѣ напомнить вамъ, милостивые государыни и государи, времена «святой» инквизиціи... Надѣюсь вы меня поймете.

Теперь я снова спрашиваю: можемъ ли мы братски подать руку католичеству въ его прошломъ, а также и въ его настоящемъ, когда оно все еще не отбрасываетъ принциповъ, которые не суть Христовы. Для иллюстраціи настоящаго католичества я напомню высокому собранію случай, имѣвшій мѣсто въ Венгрии и описанный въ газетѣ «Esperanto» № 67 отъ 5 декабря 1909 года. Этотъ случай о многомъ говорить.

Все вышесказанное мною изложено не съ цѣлью сдѣлать кому бы то ни было непріятное. Нѣть, гг. слушатели, всецѣло нѣть! Я могу вѣсть сердечно въ томъ увѣрить... Я желалъ только пріоткрыть маленькую частичку исторіи. Во всемъ же цѣломъ я стремлюсь къ приближенію братства церквей. Но прежде мы должны хорошо знать другъ друга, а также знать и причины, насы раздѣляющія.

Но вѣдь я могу также сказать и слѣдующее: католичество по отношенію къ намъ, старовѣрамъ, было какъ бы братомъ, съ одной стороны. Когда никоніанство воздвигло на насъ гоненія, мы бросали родину и уѣгали въ другія страны—страны, населенные жителями католиками. Тамъ, подъ покровительствомъ католичества, намъ жилось лучше нежели на родинѣ. Мы населили страны: Пруссію, Австрію, Румынію и даже Турцію, замѣтьте, милостивые государи, даже и Турцію, страну Магомета!

И повсюду намъ было лучше, нежели на нашей родинѣ, горячо нами любимой. Вотъ за это-то я могу принести благодарность католичеству. Это доброе дѣло есть нунктъ, на которомъ мы соприкасаемся, пунктъ, дающій возможность приступить къ переговорамъ объ единеніи. Другую мою благодарность я могу принести католичеству за позволеніе мнѣ присутствовать на этомъ конгрессѣ: отъ никоніанъ мы не могли добиться позволенія присутствовать на съездѣ миссіонеровъ въ 1908 году въ Кіевѣ.

Я повторяю: мы должны смотрѣть правдѣ прямо въ глаза. Мы, христіане православно-восточные, всѣ, не исключая даже и насъ, старовѣровъ, смотримъ на католичество, какъ на врага нашего. Мы, русскіе, даже имѣемъ специальну пословицу на эту предметъ, которая характерно рисуетъ наши взгляды

на католичество. «*Никто не сдѣлалъ столько зла Россіи, какъ ханъ крымскій, да папа римскій*», говорить эта пословица.

Все это мы должны устранить, прежде нежели прийти къ согласію. Правда, все это было въ прошломъ, но тѣмъ не менѣе съ этимъ необходимо считаться...

Попытки къ объединенію со стороны католичества были не разъ. Во времена русского великаго князя Ивана Васильевича въ Москву былъ легатъ Антоній. Къ великому князю Василію Ивановичу былъ присланъ въ Москву папой Львомъ Х-мъ легатъ Шамбергъ; у того же князя также былъ и другой посолъ—капитанъ Павелъ и легатъ Іоаннъ Францискъ, епископъ Скаренскій. Въ 1576 году былъ присланъ въ Россію священникъ Рудольфъ Клегенъ. Отъ папы Григорія XIII былъ присланъ въ Москву профессоръ богословія іезуитъ Антоній Поссевинъ съ специальною цѣлью вести переговоры съ царемъ Иваномъ IV Васильевичемъ о соединеніи церквей. Онъ имѣлъ диспуты съ царемъ въ присутствіи бояръ и народа. Не однажды папы обращались къ московскимъ князьямъ съ специальными грамотами и письмами, въ которыхъ они предлагали единеніе. Но эти все попытки успѣха не имѣли. Однако, одинъ изъ митрополитовъ московскихъ, именно Исидоръ, принялъ единеніе, и имя папы однажды было произнесено за литургіей въ московскомъ Успенскомъ соборѣ. Въ настоящее время на пути единенія работает митрополит галицкій Андрей графъ Шептицкій. Уже нѣсколько писемъ прислано имъ къ моимъ братьямъ-старовѣрамъ и недавно имъ былъ принятъ отъ насъ одинъ священникъ, нѣкто Сусалевъ, который теперь работаетъ на пути объединенія въ Петербургѣ.

По поводу этого послѣдняго случая я имѣю заявить, что путь къ единенію посредствомъ священниковъ, подобныхъ Сусалеву, не хороший путь и не могущій привести плоды: этотъ священникъ—не хороший священникъ, но лебоши, и за свои лебоши лишенъ былъ священнослуженія своимъ діоцезнымъ епископомъ Иннокентіемъ Нижегородскимъ.

Если католичество желаетъ единенія, то оно должно дѣйствовать не посредствомъ этихъ жалкихъ людей, каковъ есть священникъ Сусалевъ, но оно должно идти болѣе лучшими путями.

Я могу со своей стороны рекомендовать обращаться посредствомъ писемъ на эсперанто къ епископамъ Александру Рязанскому и Иннокентію Нижегородскому—вначалѣ. Послѣ можно будетъ писать соборамъ епископовъ нашихъ, которые бывають ежегодно около августа и сентября мѣсяцевъ. Этотъ путь добрый и могущій привести плоды.

Оканчивая мой докладъ, я въ видѣ заключенія позволю себѣ выразить слѣдующее: *единеніе можетъ установиться только тогда, когда мы, эсперантисты, употребляя эсперанто, широко распространимъ его между народами земли; когда мы, эсперантисты, посредствомъ нашего дорогого эсперанто внѣдримъ въ сердца и сознанія всѣхъ людей истинныя идеи Христа, и когда мы, эсперантисты, такимъ путемъ установимъ между народами истинную любовь Христа, только тогда и настанетъ единство.*

Задача эта очень далека, но не недостижима. Мы, братья-эсперантисты, поднявшіе выше стѣнъ национальной гордости, должны усердѣйшимъ образомъ работать, чтобы достигнуть этой цѣли. Мы, эсперантисты-христіане, дол-

жны вести борьбу всякой въ своей средѣ противъ церковныхъ предразсудковъ въ массахъ, противъ религиознаго ненавистничества, которое такъ сильно виѣдрено въ сердца массъ долгими трудами нашихъ «христіанскихъ» пастырей. Какъ первый шагъ, мы должны установить въ сердцахъ и головахъ нашихъ пастырей возвышенность ученія Иисуса Христа и всеусерднѣйше просить ихъ по томъ выѣдрять это учение въ сердца и головы ихъ пасомыхъ. *Такимъ образомъ мы достигнемъ рѣшенія нашей задачи.*

Нахожу необходимымъ сообщить, что мы, старообрядцы, *используемъ нашу вѣру согласно съ никеоцареградскимъ символомъ вѣры и не признаемъ на земль другого авторитета для Церкви, кроме Иисуса Христа; мы руководимся въ нашей жизни Его ученіемъ, находящимся во св. Евангеліи. Наивысшая инстанція управления нашей Церковью—ежегодные соборы епископовъ нашихъ совмѣстно со священниками и народомъ. Всякий изъ нашихъ епископовъ есть только старшій братъ и импетъ надъ народомъ власть только духовно-нравственную. Никто не импетъ среди насъ авторитета непогрѣшимости.*

Извините мнѣ, уважаемые слушатели, мой долгій докладъ, но я чувствовалъ необходимость говорить и больше по этому важному вопросу.

III.

Быстрота, съ которой нынѣ совершаются путешествія, заставляетъ немногое увидѣть, хотя и много проѣдешь. Почти 1300 верстъ отъ Москвы до Варшавы, но они такъ промелькиули, что ихъ и невидно. Но Варшаву нельзя миновать: въ Варшавѣ есть старообрядцы. Зналъ я, что есть тамъ и храмъ. А тутъ еще кстати недавно и священникъ съ причетникомъ опредѣленъ туда отъ насъ, ну и захотѣлось узнать о судьбахъ старообрядчества въ этихъ краяхъ.

Между поѣздами времени оставалось свободнаго 4 часа и я отправился въ городъ—отыскивать храмъ. Я засталъ въ храмѣ о. Афанасія, только что закончившаго службу.

Храмъ невеликъ, но уютенъ. Иконостасъ небогатъ, но иконы, сдѣланная трудами Я. А. Богатенкова, выглядываютъ великолѣпно. Свѣта довольно. Довольно и воздуху, по вотъ, какъ могутъ помѣститься 100 человѣкъ молящихся въ этомъ храмѣ, каковое число бываетъ часто, какъ говорятъ, я ужъ не знаю: храмъ малъ. И если ихъ дѣйствительно собирается по 100 человѣкъ, то вѣроятно бываетъ очень душно и земныхъ поклоновъ дѣлать нельзя.

Изъ распросовъ оказалось, что старообрядческихъ домовъ въ Варшавѣ до 35. Всѣ они по большей части люди богатые и

храмъ могли бы создать великолѣпный, но къ сожалѣнію въ Варшавѣ на 35 домовъ старообрядцевъ, существуетъ 2 общины и притомъ ведущія между собою борьбу. Имѣются также и 2 храма. Въ одномъ принадлежащемъ Евсею Трофимовичу Гладилину и находящемуся въ одномъ изъ флигелей его дома на Долгой № 20, служить священникъ о. Афанасій Масловъ, бывшій въ Георгіевской общинѣ въ г. Егорьевскѣ, а въ другомъ, на Налевкахъ, принадлежащемъ г. Махоткиной, служить дьячекъ. Оба храма исподалеку другъ отъ друга, и не потому—здесь два храма, что одинъ посѣщать далеко, а просто изъ за капризовъ старухи Махоткиной, которая по весьма страннымъ соображеніямъ не желаетъ имѣть въ Варшавѣ постояннаго священника, а вынуждывается изъ Черниговской губерніи изъ посада Чуровичи о. Анатолія Суяркова по временамъ. На самомъ-же дѣлѣ въ Варшавѣ безусловно долженъ быть священникъ постоянный: Варшава кишитъ войсками всякихъ родовъ, а въ пихъ множествомъ солдатъ старообрядцевъ, которымъ некуда обращаться за исповѣдью какъ только въ Варшаву. Но кромѣ ихъ тутъ много бываетъ прѣзжихъ людей старообрядцевъ и на работы по постройкамъ и на обработку огородовъ лѣтомъ. Всѣмъ имъ часто пужны бываютъ всякія требоисправленія, и часто внезапны, а за 1000 верстъ—священника скоро не получишь. Вотъ эти-то собственно соображенія и привели Гладилина и людей ему содѣйствующихъ основать свой храмъ и пригласить священника съ причетникомъ на постоянное жительство, такъ какъ уговорить г. Махоткину имѣть постояннаго священника не удалось.

Удивительное дѣло: когда нась не трогаютъ и сами ничего не дѣлаютъ, то мы неподвижны, но стоитъ только кому либо заняться дѣломъ, то мы настолько воодушевляемся и притомъ не содѣйствуемъ, а обычно противодѣйствуемъ, что отъ нась, что называется, хоть въ пруссю бѣги. Такъ это случилось и здесь. Госпожа Махоткина спачала приняла мѣры, чтобы священника г. Гладилину не дали и потому онъ его добивался лѣтъ 5. А когда онъ прѣхалъ, о. Анатолій чуть-ли не ежемѣсячно сталъ прїѣзжать въ Варшаву. Ни какія просьбы ограничить эти прїѣзы непомогли. Просили объ этомъ архіепискона, епископовъ Михаила и Александра и всетаки кто-то оказался всѣхъ ихъ старше, и потому,

запрета на прѣзды въ чужой приходъ о. Анатолію наложить никто не могъ. Онь прѣзжаетъ крестить, вѣнчать и т. д.; а въ его отсутствіе всеѣ требы исправлять дьячекъ.

о. Анатолій очень стремится удержать за собою этотъ приходъ и поэтому неопытнымъ внушаетъ, что отъ него, какъ отъ о. духовнаго, они уйти немогутъ, вслѣдствіе чего простодушные и въ тяжелой болѣзни, не рѣшаются напутствоваться у имѣющагося священника.

Насъ въ данномъ случаѣ интересуетъ обстоятельство: кудаже въ такихъ случаяхъ дѣвается наша духовная власть, которая устанавливаетъ распорядокъ въ церкви?

Вѣдь о. Анатолій мало-того, что не даетъ окрѣпнуть Варшавскому приходу, но онъ свой Чуровскій приходъ оставляетъ безъ священника забираясь въ такую даль, да еще на такие большие праздники какъ напримѣръ Богоявление и ему подобные.

Г. Гладилинъ и его супруга, узнавъ о моемъ посѣщеніи храма, прислали просить меня навѣстить и ихъ. Упрашивать себя я не заставилъ. Познакомился. Люди это очень богатые и притомъ очень дорожащіе религіей. Сама г. Гладилина намѣревалась отдать одинъ изъ земельныхъ участковъ, ей принадлежащихъ, подъ постройку на этомъ мѣстѣ храма, если-бы приходъ соединился во едино. Но къ единенію никакъ немогутъ подойти близко. Община Гладилинского храма, какъ видно изъ протоколовъ ея собраній, очень энергично вела дѣло по объединенію, но достичь ничего не могла, и теперь, кажется отступила, рѣшивъ, что все равно толку небудетъ.

Конечно, въ этомъ опущеніи рукъ повиненъ много и священникъ, не выдержавшій долго и сбѣжавшій, но варшавцы говорятъ, что въ этомъ побѣгѣ виноватъ кто-то повыше священника стоящій и потому его судить въ этомъ нельзя, а самъ онъ священникъ хороший. Съ прѣздомъ отца Афанасія дѣло, кажется, будетъ улучшаться. Священникъ этотъ тихій, скромный, и надо полагать, своимъ усердіемъ побѣдить вражду, хотя должно сознаться, что онъ уже въ курсѣ ея и очень жалуется на непріятности. Недай Богъ, если его неудовольствіемъ къ непріятностямъ воспользуются и предложить переводъ, то и онъ сбѣжить. Послѣ него у г.г. Гладилиныхъ въ сердцѣ останется пустота (что они и высказали), и они

едвали будуть продолжать это доброе дѣло. Будеть очень обидно—если это случится, ибо Варшава—важный пунктъ для старообрядчества и благоустроенный храмъ тамъ необходимъ.

Г-жа Гладилина (женщина воспитанная и духовно и свѣтски), очень страдаетъ за судьбу старообрядческихъ дѣтей въ Варшавѣ и опасается что они, благодаря обстоятельствамъ, оторвутся отъ устоеvъ отцовъ и дѣдовъ. Воспитаніе и образованіе имъ дается свѣтское, а духовнаго нѣть: Не только нѣть отвѣтовъ на высокіе запросы духа, но даже до сихъ поръ никакъ неизведемся добрыми примѣрами христіанской жизни, обрядовъ и богослуженій. Хотя бы съ этой стороны устроиться и это ужъ было-бы важное дѣло, но и тутъ становять преграды,—жалуется она,—и кто-же, тѣ, которые должны этому всячески содѣйствовать. Мы здѣсь могли-бы многое сдѣлать и не только для нась старообрядцевъ лично, но и для старообрядчества вообще: нась старообрядцевъ здѣшнее католическое населеніе любить и потому относится очень благожелательно, опо всячески готово содѣйствовать намъ, не взирая на то, что, вообще русскихъ здѣсь ненавидятъ. Даже въ частномъ случаѣ—какъ вотъ покупка этого дома пами, продолжала г. Гладилина, и то мы имѣли возможность получить выраженіе хорошаго отношенія: домъ намъ потому только продали, и притомъ крайне дешево, что мы старообрядцы. (Дѣйствительно, домъ стоитъ тысячу до 500, а купленъ за 50).—Все это говорить за то, что намъ здѣсь работать на пользу старообрядчества можно. Но моральной помощи отъ нашего епархиального епископа мы къ сожалѣнію не имѣемъ.

Насколько возможно было, я успокаивалъ ихъ, просилъ быть энергичнѣе въ достижениi добрыхъ дѣлъ, а также по возможности и терпѣливѣе при неудачахъ, не всегда въ этомъ обвиняя другихъ.

Интересовались очень о судьбѣ е. Михаила Канадского, котораго они очень уважаютъ, а также и дѣти ихъ. Сочиненія его они охотно читаютъ и благодарятъ за его труды въ борьбѣ съ безбожіемъ. Не мало дивились, почему это—такой достойный епископъ такъ много притѣсняется иѣкоторыми.

Любезно напутствуемый благими пожеланіями па задуманное мною дѣло въ Парижъ я оставилъ любезныхъ хозяевъ.

На станции при отъезде меня провожал один изъ варшавскихъ старообрядцевъ. По его словамъ живутъ старообрядцы въ Варшавѣ въ общемъ не дурно, и волнуются лишь потому, что ужъ такова натура старообрядца, что онъ вѣчно хочетъ лучшаго. Я думаю, что такія волненія полезны.

Давъ обѣщеніе на обратномъ пути познакомиться и съ Махоткинскимъ приходомъ—если только я буду возвращаться тѣмъ же путемъ, я отѣхалъ изъ Варшавы.

IV

Отъ Варшавы до Берлина всего нѣсколько часовъ пути. Но путевые обстоятельства рѣзко измѣнились. Русскій элементъ исчезъ. Языкъ только польскій. Лица совершенно другія. Въ вагонахъ тѣсно: сегодня великая пятница (католическая) и люди отовсюду спѣшатъ на пасхальные праздники домой. Всѣ оживлены. Всѣ волнуются. Везутъ окорока и другія сиѣди. Но не замѣчается того радостно-душевнаго предпраздничного настроенія, какое наблюдалось у насъ. Для нихъ праздникъ почти не выходитъ изъ рамокъ обыденности. Мясо они себѣ на здоровье и въ великую пятницу кушаютъ, и во всемъ остальномъ себя не стѣсняютъ, а церковные обряды для нихъ потеряли значеніе чего-то дорогого, чего-то таинственнаго для человѣческаго сердца, и потому для нихъ наступило почти полное, сѣрое безразличіе.

Мнѣ плохо приходилось:—говорь всюду чужой, лица чужія. Кушанья въ буфетахъ скромныя и есть чего не стало. Хотя кипятку на заварку чая еще можно достать, но его пить негдѣ, тѣсно. И пришлось говоѣть до Берлина, какъ въ настоящую великую пятницу, за всѣхъ католиковъ сразу.

Добро хоть привычка къ этому есть!

Александрово. Пересадка. Нѣмецкій языкъ кондукторовъ. Торгъ. Всякія формальности. Отъ Варшавы до Александрова я доплатилъ за скорость одинъ рубль, а отъ одной границы Германіи и до другой ея—одну марку т. е. 50 коп. Порядки пошли нѣмецкія. Вагоны другіе, для сианья неудобны, но хороши: чисты, свѣтлы, въ уборныхъ вода въ изобилии, бесплатное мыло и полотенца. Уборныхъ и для мужчинъ и для дамъ отдельно. Въ вагонахъ почти пусто: русскіе поляки остались въ Россіи, а нѣмец-

кіе возвращаются на праздники изъ Берлина и другихъ крупныхъ городовъ, евреи, имъя Пуримъ, не успѣли его отпраздновать, какъ наступила суббота и потому Ѳдушихъ очень мало.

Утро. Берлинъ. Удивленіе желѣзию дорогою идущею черезъ весь Берлинъ. Удивленіе огромнымъ движеніемъ поездовъ и грандиозностью вокзаловъ. Вокзалъ Фридрихштрассе. Остановка. Чокидаю вагонъ. Гостиницы окружаютъ вокзалъ. Носильщикъ ведеть меня въ гостиницу г. Киль. 4 марки-малюсенькой №. Но мнѣ безразлично. Большое удовольствіе: прислуга говорящая по русски: ну кто радъ говорить этимъ безтолковымъ иѣмецкимъ языккомъ! Приведъ себя въ порядокъ. Помолился Богу, напился чаю въ комнатѣ, по русски и отправился на розыски эсперантистовъ, проводничествомъ которыхъ я хотѣлъ воспользоваться по Берлину. Но къ несчастью делегать универсальной Асоціи перемѣнилъ квартиру и не извѣстилъ куда перѣхалъ. Пришлось пользоваться языкомъ иѣмецкимъ и положиться на собственные силы.

То, что я увидѣлъ за два дня проживанья въ Берлинѣ, пріятно, но до зависти восхищало меня: чистота всюду поразительная! Улицы все залиты чуднымъ асфальтомъ, давшимъ возможность широко использовать особый спортъ катанья на конькахъ—на колесикахъ. Интересное, а подъ часъ и практическое удовольствіе:—быстрота движенія невѣроятна,—часто я наблюдалъ, что бѣгущіе на этихъ конькахъ, отъ автомобиля не отставали. Автомобильное сообщеніе широко поставлено и автомобилей больше, нежели экипажей на лошадяхъ. Плата унормирована таксометрами, такъ что торговаться не приходится.

Движеніе на улицахъ невѣроятно: масса идущихъ людей, множество трамваевъ, автомобилей—трамваевъ, а простые автомобили такъ и кипятъ отовсюду. Пришлось бѣднымъ иѣмцамъ движеніе регулировать на перекрестахъ городовыми: сначала пропустить вдоль, остановивъ движеніе поперекъ, а затѣмъ пропускаютъ поперекъ, остановивши движеніе вдоль. Для конного, верхового катанья, оставлены особые тротуары, высыпанные гравиемъ. Какой чудный парадъ—городовые: всѣ на подборъ, сыты, видны, одѣты роскошно, и всѣ красавцы какъ одинъ! Да и вся публика: чиста, сыта, самодовольна. Чувствуешь зависть къ этой націи, сумѣвшей собственнымъ трудомъ достичь такого благополучія; по крайней

мѣръ виѣшиаго. Постройки невѣроятны. Удивительныя же лѣзныя дороги: надземная и подземная. Сколько денегъ и какой огромной затраты труда стоили эти сооруженія! И люди рѣшились на это и создали что-то великое.

За два дня—я два раза видѣлъ ихъ императора и всю его семью. Какая простота его появленья на улицахъ, или верхами съ небольшою кучкою приближенныхъ, или въ автомобиляхъ. Но нужно видѣть и снова позавидовать, съ какимъ благоговѣніемъ, съ какою особенною любовью относится къ нему народъ. Положительно завись береть, а вѣдь кажись все такъ просто, только на перекресткахъ городовые повнимательнѣе регулируютъ движеніе, да народъ, услышавъ извѣстные уже имъ сигналы автомобиля, группируется поближе къ краю трутуара и семья императора проѣзжаетъ отъ васъ въ двухъ-трехъ шагахъ. Умильное зрѣлище! Воистину завидное.

Я не преминулъ посѣтить наше русское посольство, дабы имѣть представление о немъ. Улица унтеръ дэръ липпэнъ по иѣмецки, № 7. Пришелъ. Удивился не мало: только и признаковъ представительства нашей великой родины, что нашъ двуглавый орель на верху зданія и ничего больше! Обидно сдѣлалось. Неужели ужъ мы такъ плохи, что и признаковъ своего существованія показывать не надо... Прошелъ въ церковь. Крайне небогата. Собрање иконъ, что называется съ борку да съ сосенки, кое какъ, кое откуда и сдѣланное кое какими руками. Даже три поклона положить затрудняешься—ужъ очень отталкиваетъ эта небрежность. Вѣдь кругомъ—лубокъ на лубкѣ! Съ горькимъ чувствомъ я вышелъ оттуда... не наше это, не старообрядческое, по вѣдь мое оно, родное, русское. Господи, до чего дошли наши никоніане; до чего они профанируютъ все святое для русского человѣка. Неужели эти вылощеные иопы никоніанъ думаютъ, что русскій народъ совершенно скотина, и что онъ на всякий лубокъ будетъ молиться, лишь бы сказать ему, что это икона. Ужасно обидно.

Въ шесть часовъ ожидалась служба. Молящійся пришелъ одинъ,—бѣглый солдатъ изъ тамбовской губерніи родомъ. Замореный, загнанный, затравленый звѣрь, страшно тоскующій по родинѣ и не могущій вернуться туда. Живеть кое какъ, вирогодъ. Живеть надеждою: а можетъ быть можно будетъ вернуться!..

Убѣжалъ онъ проклятый судьбою, въ проклятый 1905 годъ. Кто-то винтовку стянулъ у него, заснувшаго на посту и потому ничего не оставалось, какъ бѣжать. И вотъ результаты: жить почти не возможно, домой до болѣзниности хочется вернуться и вернуться нельзя.

Не остался я здѣсь службы смотрѣть. Знаю я эти службы и по Россіи матушкѣ, ну, а здѣсь поди и того хуже, ну и ушелъ. Пришелъ я въ храмъ католиковъ. Нужно знать, что Берлинъ— это городъ протестантовъ и католики здѣсь не въ большомъ фаворѣ. Но какое прекрасное зданіе церкви у нихъ. Какая обширность. Какое подавляющее впечатлѣніе производить оно своею массивностью. Идетъ торжественное великосубботнее служеніе. Масса духовенства и народа. Готовится крестный ходъ. Храмъ имѣть круглую форму. Сидѣнья установлены съ разчетомъ возможности крестныхъ ходовъ вокругъ, по стѣнамъ храма. Въ верху высоко горитъ электрическое солнце; до двадцати бронзовыхъ, золоченыхъ паникаиль свѣсились сверху низко - низко къ молящимся, занявшимъ, свои лавочки, и все они горятъ яркимъ электричествомъ, вдѣланымъ въ искусственныя свѣчи. Получается впечатлѣніе горящихъ свѣчъ. Высокіе хоры. На нихъ пѣвцы, по преимуществу дѣвицы. Напротивъ, какъ обычно у католиковъ открытаго алтаря, огромный органъ. Массы хоругвеносцевъ— раззвѣченныхъ всякими знаками церковныхъ отличій, мужскаго и женскаго пола, торжественно настроенныхъ. Органъ льетъ сверху могучіе, торжественные звуки. Стройно хоры звучать. Безпокойно, раздражающе беспокойно, звучать и очень въ тактъ, колокольчикъ. Шествіе медленно движется давя своею торжественностью. Но все это слишкомъ поверхностное чувство, бьющее только на эффектъ первого впечатлѣнія: стоитъ вамъ во все это взглянуться—какъ вся иллюзія торжественности рушится и получается какая-то бутафорія. Получается какая-то внутрення иустота. Храмъ пусть. Голыя стѣны съ нѣсколькими статуями, пасъ не радующими, а отталкивающими. Какія-то безсмысленные припаданія, или просто присѣданія, при входѣ и выходѣ, на одно колѣно, и то больше въ воображеніи, чѣмъ въ дѣйствительности. Выходить такое впечатлѣніе:—споткнулся человѣкъ, но не упалъ. И это-же продѣлываютъ попы предъ возвышенностью изображаю-

щей престолъ. Крестятся всею рукою, сльва на право, но онятъ-
таки, только воображаютъ, что крестятся, на самомъ же дѣлѣ, нѣ-
сколько разъ стукнуть, или просто мазнуть, по груди рукою и
готово! Дѣланность движеній повсюду: воздѣваніе рукъ священ-
никовъ, стойка на колѣняхъ опуская голову и т. д. и т. д. безъ
конца. Но поютъ, всѣ когда поютъ, съ болышимъ воодушевлені-
емъ.—Кончилась служба въ 10 часовъ вечера. Кончилась также
внезапно, какъ внезапно и началась. Интереснымъ для нась на-
блюдалось то, что пѣніе духовенства унисонное, и очень похожее
на наше, и хожденіе крестнаго хода—по солонь.

Утрени нѣть. Пасхальная служба отъ 6 утра до 10.

Выслушавъ службу, я отправился бродить по улицамъ, чтобы
видѣть жизнь города въ ночь подъ Свѣтлое Христово-Воскресеніе.
И чѣмѣдѣ: кругомъ музыка, театры, полные кафе, безконечные
толпы гуляющихъ. И признака религіознаго настроенія нѣть.

На утро я посѣтилъ церковь протестантовъ. Это громаднѣй-
шее зданіе, а пожалуй даже точнѣе, гигантское. Чудная архи-
тектура. Богато обдѣланная и снаружи и изнутри. Однимъ
словомъ, постройка стоящая свыше 20 миллионовъ марокъ. Внутри
также просторно, также кругло, также отсутствуетъ живопись и
всюду статуи какъ и у католиковъ. Тѣ-же сидѣнья. Окна задѣланы
живописью по стеклу, и та же необходимѣйшая живопись на про-
свѣтъ, позади алтаря,—рисующая главныя моменты жизни Іисуса
Христа.

Важные распорядители въ цвѣта воронова крыла фракахъ,
съ значками на груди, распредѣляли публику по скамейкамъ.
Пришлось и мнѣ занять мѣсто въ ряду другихъ (стоять не до-
пускали). Оказалось, что тамъ, гдѣ мнѣ сидѣть пришлось прибита
дощечка съ надписью „Paulo“ и вездѣ, и всюду, эти надписи и
съ Павломъ, и съ Владиміромъ, и съ Мюллеромъ и т. д. и т. д.
это значитъ: мѣста эти откуплены и на нихъ имѣютъ право только
ихъ купившіе.

Службы собственно нѣть, а просто люди забавляются слу-
шаніемъ музыки и подчасъ сами подпѣваютъ органу. Неспорно,
дѣло проходить забавно. Одинъ разъ появился на возвышенности
изображающей престолъ какой-то человѣкъ въ черномъ сюртуке,
и также, какъ у католиковъ, присѣдая—взялъ евангеліе и про-

читавъ слушателямъ очередное мѣсто,—растолковалъ его своими словами.

Потомъ отошелъ къ стѣнкѣ, и заложивъ ногу на ногу, спокойно у сѣлся слушать музыку органа и пѣніе усердныхъ женщинъ.

Въ общемъ, для насъ, впечатлѣніе странное, и нисколько не интересное.

И удивительно, что, огромная масса людей увлечена этой религіей и очень усердно слѣдуетъ ей.

Долго быть не представляло интереса, такъ какъ нѣсколько картинъ, хорошо написаныхъ и видимыхъ также на просвѣтъ, осмотрѣны сразу, статуи не интересны, освѣщеніе электрическое и подавно, а поэтому я и поспѣшилъ выйти отсюда.

Н. Зенинъ.

(Окончаніе будетъ).

Наша Жизнь.

Екатеринбургъ.

(Отъ нашихъ корреспондентовъ)

Епархиальный съездъ старообрядцевъ Бѣлокриницкой іерархіи.

14 февраля сего года въ Екатеринбургѣ въ церковномъ домѣ открылся епархиальный съездъ старообрядцевъ Бѣлокриницкой іерархіи. На съездъ прибыло 35 священниковъ, 4 дьякона, 27 уполномоченнымъ отъ общинъ и приходовъ и безъ уполномочій 7 мірянъ.

Въ день открытия съезда преосвященнымъ Антоніемъ Пермскимъ и Тобольскимъ, въ сослуженіи мѣстного и пріѣзжаго духовенства, всѣхъ до 20 человѣкъ соборне была отслужена літургія.

Затѣмъ, въ $3\frac{1}{2}$ часа, съездъ открыть былъ епископомъ Антоніемъ, и онъ предлагаетъ выбрать предсѣдателя изъ священниковъ, но члены съезда просятъ епископа занять мѣсто предсѣдателя. Онъ соглашается.

Первый важный вопросъ является объ избраниіи начетчика на мѣсто умершаго А. Д. Токманцева.

Читается письмо епископа Иннокентія, который предлагаетъ начетчика—своего брата В. Г. Усова. Собрание довольно этимъ предложеніемъ, довѣряя епископу Иннокентію.

Кстати, В. Г. Усовъ лично явился на съездъ.

„Господь, какъ мудрый воспитатель, попустилъ всѣмъ язычникамъ ходить своими путями“ (Дѣян. 14 гл., 17 ст.). Божественное проприданіе, такимъ образомъ, предъ уготовляло весь до-христіанскій міръ къ Христу и вело его хотя и медленно, но вѣрно къ обѣщенному прародителямъ человѣческаго рода спасенію.

И. А. Лукинъ.

Конгрессъ эсперантистовъ-католиковъ.

(30 марта—3 апрѣля).

(Окончаніе) *).

Вечеромъ я выбылъ изъ Берлина, чтобы продолжать свой путь къ Парижу. Пасха продолжалась еще сегодня (два дня празднуютъ), и потому ъдушихъ было очень мало. Утромъ я вышелъ въ Кельнъ н/Р. и остался тамъ до вечера. Городъ очень интересный и довольно обширный: Первымъ долгомъ рѣшилъ отправиться отыскать делегата Универсальной Асоціи чтобы использовать его услуги при ознакомлениі съ городомъ, но такъ какъ вокзалъ лежитъ около самаго главнаго собора который они называютъ „Дом“⁴, то я, пока еще было рано, визитировалъ этотъ соборъ. Зданіе несомнѣнно архитектуры красивой. Построено замѣчательно. Живопись по стеклу (на окнахъ) также роскошна, но въ церкви страшная пустота. Такъ и чувствуется, что съ внаружи-то тѣло какъ тѣло, а внутренностей-то нѣть, черви изъѣли. Шла ранняя служба. Службу здѣсь служатъ обычно чуть ли не во всѣхъ закоулкахъ храма особо. Вамъ нравится здѣсь, вы слышите литургію здѣсь, желаете тамъ, идите туда. Очевидно священниковъ довольно, а алтарей также сколько хочешь. Но народу немного. Входящіе обычно окунаютъ руку въ воду, подскакиваютъ на одно колѣно (они именно подскакиваютъ, такъ какъ только дѣлаютъ видъ что они колѣнопреклоняются), и мазнувъ себя пятерней по груди, бѣгутъ дальше. Подбѣгутъ къ скамеечкамъ. Станутъ на колѣни на болѣе низкую лавочку (какъ бы

* См. жур. „Старообрядческая Мысль“ № 5, май 1910 г.

проножка у нашихъ скамеекъ), и уткнувшись лицомъ въ ладони рукъ, поставленныхъ на локти верхней скамейки (подобіе ученической школьной парты), изображаютъ, очевидно, сокрушеніе сердечное. Постоявъ такъ минуты три-четыре, они бѣгутъ обратно, при выходѣ снова подскакиваютъ на колѣно и уходятъ, очевидно полагая, что дѣло моленія окончено.

Для насть зрелище только забавное и отнюдь непонятное. Какъ только это можно дойти до такого небреженія къ дѣлу религії!.. А вѣдь кажись они къ религіи и очень ревнивы...

Изображеній интересныхъ въ смыслѣ древности нѣть. Да они очевидно ими и не интересуются.

Когда я прошелъ немножко поглубже въ городъ, то я по встрѣчалъ тамъ болѣе древнюю церковь и въ надеждѣ, что можетъ быть я найду въ ней что либо изъ древностей, интересующихъ насть, зашелъ и въ эту церковь. Но и тутъ полностю голыя стѣны, расписанныя стекла оконъ, да грязныя отъ времени статуи.

Делегата Универсальной Асоціи я не нашелъ, но за то въ совершенно противоположной части города нашелъ вице-делегата, г. Квамбушъ. Это ужъ даже не собственно въ Кельнѣ, а въ другомъ городкѣ, лежащемъ по ту сторону Рейна но постепенно слившемся съ Кельномъ и потому ставшимъ единое съ Кельномъ, хотя и сохранившимъ свое прежнее название прибавляемое обычно къ Кельну (Köln-Deutz).

Г-нъ Квамбушъ настолько былъ любезенъ, что не имѣя возможности оторваться отъ своей аптеки самъ лично, пригласилъ мнѣ въ качествѣ проводника барышню эсперантистку, съ которой мы и провели весь день, обозрѣвая городъ. Интересное явленіе это „эсперанто“. Встрѣчаются люди совершенно чужие и по жительству, и по языку, и по національности и, никогда раньше не встрѣчавшись, вдругъ заговариваютъ однимъ языккомъ и сразу встречаютъ другъ друга какъ близкіе друзья, не взирая ни на полъ, ни на возрастъ, ни на положеніе.

Возьмите хотя бы вотъ этого г. Квамбушъ—человѣкъ несомнѣнно лѣтъ 60-ти, а съ какимъ энтузіазмомъ онъ встрѣчаетъ своего собрата изъ Россіи и какъ готовъ онъ ему всячески услугить, совершенно не зная, что такоѳ національность. Ну вотъ эта милая барышня, некрасивая, какъ и вообще всѣ нѣмки не-

красивы, но какъ она мила въ своемъ энтузіазмѣ послужить дѣлу сближенія народовъ посредствомъ эсперанто, который она не иначе называетъ какъ—„nia kara lingvo“ (нашъ дорогой языкъ). Совсѣмъ еще ребенокъ можно считать, она ни на минуту не задумалась отдать мнѣ цѣлый день, который она могла бы использовать для себя. Положительно удивительное это движение. По ея разсказу, не такъ давно ее посѣтили также одна англичанка и одна индіанка, которыхъ она также ознакомила съ городомъ, и онѣ всѣ три отлично понимали другъ друга. Ну вотъ также точно вчера и въ Берлинѣ: молодой студентъ, нѣмецъ,—какъ радостно онъ встрѣтилъ меня; сколько общаго оказалось между нами, и мы просто не могли наговориться. И удивительно какъ удобопонятенъ этотъ языкъ въ устахъ всякой національности. Потомъ, въ Парижѣ, гдѣ собралось насть много и изъ многихъ національностей, я въ этомъ еще болѣе убѣдился.

Съ дѣвушкою, которой господинъ Квамбушъ поручилъ показать мнѣ городъ Кельнъ, мы кажется осмотрѣли все. Конечно насколько это возможно. И только въ одномъ музѣ я нашелъ одну интересную фреску какъ документъ древности двуперстія, да и то довольно сомнительный. Успѣли мы даже посѣтить и любимое мѣсто гуляній горожанъ гор. Кельна—зоологическій садъ. Туда они, начиная отъ трехъ пополудни и до 9—10 вечера, забираются цѣлыми семьями. Они тамъ пьютъ кофе, обѣдаютъ и гуляютъ.

Вечеромъ я возвратился на станцію и, пользуясь свободнымъ временемъ, наблюдалъ вечернюю жизнь города около вокзала. Поражаетъ конечно то неимовѣрно-огромное движение массъ народа, котораго мы, русскіе, себѣ и представить не можемъ. Какъ много кассъ и кассировъ, а все-таки приходится поручать продажу всевозможныхъ билетовъ и даже марокъ автоматамъ. И они на каждомъ шагу работаютъ себѣ на славу!..

Въ Парижъ за свой рискъѣхать не рѣшился, и потому далъ телеграмму на имя г. Colas, что бы онъ меня встрѣтилъ на сѣверномъ вокзазѣ и ознакомилъ съ Парижемъ.

Праздники кончились, и потому вагоны оказались переполненными. Пришлось провести безсонную ночь. Публика довольно разнообразная: нѣмцы, евреи, русскіе, французы и т. д. На бельгійской границѣ вещи осмотрѣны въ вагонѣ и при томъ очень

невнимательно. На французской нась таскали въ вокзалъ и держали очень долго. Оказалось, что нась, третьеклассниковъ, отѣшили и отсюда пустятъ въ Парижъ съ почтовымъ, а не со скорымъ, и потому мы въ Парижъ придемъ значительно позже, нежели я телеграфировалъ. Слѣдовательно въ Парижъ я едва-ли буду встрѣченъ.

Но мое опасеніе было напрасно: не успѣлъ я выйти изъ вагона въ проходъ для пассажировъ, какъ ко мнѣ подбѣжалъ юркій французицъ со значкомъ эсперанто въ петлицѣ и, назвавъ вопросительно мою фамилію и получивъ утвердительный отвѣтъ, запрыгалъ отъ радости моего прїзыва, тараторя на эсперанто, какъ сорока. Это оказался главный секретарь конгреса, завѣдывающій дѣлами редакціи „Эсперо Католика“ и чиновникъ справочной эсперантской конторы въ Парижѣ, на улицѣ Беранже, 10., г. Colas.

Любезность его превосходила его самого. Онъ тащилъ задыхаясь мой чемоданъ и ни за что не хотѣлъ отдать мнѣ его, хотя чемоданъ для его тщедушной организаціи былъ не по силамъ.

Тотчасъ-же мы спустились въ подземелье метрополитэна, или, какъ они его называютъ, „мэтро“ и, взявъ билеты, съ большою быстротою помчались по подземелью.

Парижская подземная дорога—это удивительно удобное сообщеніе. Она искрещиваетъ Парижъ во всѣхъ направленіяхъ. Поѣзда по ней мчатся чрезъ каждые 3—5 минутъ. Проѣздъ очень недорогъ. Послѣ бывшаго наводненія—не вся еще сѣть дѣйствуетъ.

Прїхали мы къ улицѣ Беранже. Въ квартирѣ г. Colas' я привелъ себя въ порядокъ и мы, нанявъ автомобиль, отправились въ Католический институтъ. Въ приемной уже шла работа. Записывали прибывшихъ, выдавали билеты, программы, дѣлали разясненія и устраивали по гостинницамъ на квартированіе. Принимала гостей баронесса де-Мениль. Красивая, очень любезная женщина, среднихъ лѣтъ.

Принимались всѣ очень восторженно и восторженно братались другъ съ другомъ. Прїѣзжихъ уже было довольно. Нужно было видѣть эту картину, чтобы имѣть надлежащее представленіе. Какихъ тутъ лицъ вы не увидите, какихъ костюмовъ и какихъ национальностей. Вотъ важный австріецъ-нѣмецъ въ офиціальномъ костюмѣ министерства финансовъ, по которому онъ служить. Вотъ

тутъ же около него кроатинецъ изъ Австріи, торопящійся заявить мнѣ, что онъ славянинъ, что онъ мнѣ братъ по крови, что они, кроатинцы, тяготѣютъ къ Руси и понимаютъ русскій языкъ. И на самомъ дѣлѣ, всѣ эти славяне Австріи непремѣнно заявятъ Вамъ, что они тяготѣютъ къ русскимъ. (Въ Берлинѣ, въ Тиргартенѣ я встрѣтился съ чехомъ и, что-то спросивъ его по нѣмецки, получилъ въ отвѣтъ, что онъ чехъ и плохо понимаетъ по нѣмецки. Придерживаясь чешскаго языка, я обратился къ нему по русски, и онъ былъ несказанно обрадованъ, понявши меня. Послѣ сего увѣрялъ меня, что они, чехи, всѣ говорять по русски. Тоже случилось и здѣсь съ кроатинцемъ); тутъ юркій, черномазый, и такъ маленький, да еще сгорбившійся итальянецъ попъ и огромный, выпрямившійся, попъ ирландецъ, симпатичный пасторъ англійской церкви съ умными карими глазами, ласково смотрящими, англичанинъ съ характерной англійскою рожею, испанцы священники, чрезвычайно интересные выбритыми вульгарными рожами и неимѣніемъ специально священническихъ костюмовъ, а просто одѣтые какъ и всѣ, нидерландцы-голландцы, литовецъ священникъ Домбровскій, симпатично выглядывающій, бельгіецъ—брать „Изидоро“, какъ его всѣ величаютъ, съ ужасно некрасивыми лицемъ и фигурою, напоминающими гориллу, но когда присмотритесь—симпатичнымъ добрымъ характеромъ, французы міряне и попы, француженки всѣхъ возрастовъ и видовъ. Однимъ словомъ, получается впечатлѣніе, что наступилъ моментъ, когда люди, на время оглушенные ударомъ вавилонского столпотворенія, не понимая другъ друга, вдругъ почувствовали, что они вновь получили способность взаимнаго пониманія и на радостяхъ поздравляютъ другъ друга съ возвращеннымъ даромъ пониманія.

Всѣ привѣтствовали другъ друга съ такою радостью, что казалось, что они давнишніе между собою друзья. Всѣ наперерывъ спѣшили узнать кто изъ какой страны прибылъ. Но также оказалось, что многіе и дѣйствительно знакомы другъ съ другомъ, по разнымъ прежнимъ эсперантскимъ конгресамъ.

Разговоры были безконечны...

Удивительнымъ во всемъ этомъ является то, что встрѣтились люди, въ огромномъ большинствѣ никогда другъ друга невидавшие, не знающіе родного языка одинъ другого, и, встрѣтившись, от-

лично начали взаимно понимать. Неправда-ли, удивительный этотъ языкъ эсперанто?

Я очень боялся за себя: языкъ этотъ я недавно изучаю и притомъ между страшными недосугами и никогда почти не практикуя его въ устной рѣчи, я опасался, что не буду въ состояніи понимать моихъ сотоварищъ по языку. Но оказалось, что опасенія мои напрасны: я очень хорошо понималъ другихъ, а также и другое меня!

Люди, взявшиеся за этотъ языкъ, все люди почтенные, многие изъ нихъ имѣютъ очень преклонный возрастъ и тѣмъ не менѣе они хорошо изучили эсперанто и горячо его пропагандируютъ предсказывая ему великую будущность. И надо полагать, что это такъ и будетъ. Ибо ужъ очень онъ доступенъ для изученія!

Когда мы, познакомившись, группами отправились на обѣдъ, то сильно изумляли Парижанъ своимъ разнообразнымъ внѣшнимъ видомъ и оживленною бесѣдою между собою ибо, они видѣли, что мы собирались изъ разныхъ странъ, а говоримъ однимъ языкомъ. Въ ресторанѣ вся публика разинувъ рты дивилась на наше столпотвореніе вавилонское, нынѣ павшее между насть. И это такъ продолжалось за все время нашего пребыванія въ Парижѣ.

Къ вечеру зданіе Католического Института въ которомъ предназначаются наши собранія, разукрасилось флагами всѣхъ странъ изъ которыхъ прибыли делегаты. На стѣнахъ повсюду афиши и программы занятій. Публика толпами зѣвала около института, обозрѣвая и его съ украшеніями, и проходящія группы эсперантистовъ.

Сегодня, 29-го Марта по нов. ст. (по нашему 16). Открытие конгресса должно воспослѣдовать завтра, 30—17 Марта, въ половинѣ девятаго вечеромъ. Имѣя свободнымъ на завтра цѣлый день, мы рѣшили сообща посѣтить достопримѣчательности Парижа, для каковой цѣли запаслись проводникомъ эсперантистомъ-парижаниномъ. Это былъ мальчикъ лѣтъ 17, но удивительный мальчикъ, великолѣпно говорящій по эсперантски и отлично знающій Парижъ.

Первый визитъ мы сдѣлали въ люксембургскій музей. Музей этотъ небольшой. Въ общемъ, тамъ смотрѣть есть что, но для церковной цѣли туда ходить не зачѣмъ. Голыхъ женщинъ и мужчинъ, въ самыхъ натуральныхъ видахъ, тамъ сколько хочешь

и въ статуяхъ, и въ картинахъ, ходить даже стыдно помежъ этого собранія нагого тѣла, ну, а дѣльнаго, исторически дѣльнаго, для нась—ничего! Мы скоро оттуда ушли. Посѣтили множество и старыхъ и новыхъ церквей, но и въ нихъ всюду пустота. Были въ музѣ „Лувръ“. Это поразительно огромный музей. Не бывшій въ немъ никакъ не можетъ себѣ представить, что могутъ существовать музеи такого огромнаго размѣра и съ такимъ огромнымъ собраніемъ картинъ. Это что-то невѣроятное!

Въ виду того, что было время музей закрывать, мы принуждены были выйти оттуда не осмотрѣвшіи всего.

Группа людей, ходившихъ для обозрѣнія достопримѣчательностей, была достаточно велика, чтобы быть незамѣтной, и потому всюду, гдѣ мы появлялись, мы обращали на себя вниманіе. У всѣхъ у насъ при томъ были развѣшаны на груди значки эсперантскаго конгреса и потому наше шествіе въ эту-же пору было и пропагандою эсперанто.

Само собою понятно, что конгресъ открылся не такъ, какъ обычно открываются наши „Всероссійскіе съѣзды“: особаго молебствія не было, конгресъ объявили открытымъ и ладно. Лишь послѣ деклараций и нѣкоторыхъ рѣчей прочитали краткую молитву, которую ни за какой молебенъ принять нельзя.

Залъ конгреса весь завѣшанъ флагами различныхъ странъ, изъ которыхъ есть представители, и декорированъ зеленью.

Призидіумъ на особо возвышенномъ мѣстѣ, а также и представители всѣхъ странъ. Собрание людей большое. Замѣтно повсюду волненіе. Суетятся всѣхъ болѣе г. Colas и баронесса de Ménie. Вся тяжесть конгресовыхъ работъ какъ подготовительныхъ, также точно и самаго конгресса, а также и заключительныхъ, лежитъ на нихъ.

Во всемъ ярко сказывается хозяйственная рука г-жи баронессы de-Ménil, якой приверженицы католичества. Ея усердіе, энергія и умѣлость повсюду видны. Г. Colas—достойный ея сотрудникъ. Это двѣ выдѣляющіеся своей приверженностью католицизму фигуры, остальное-же все служить только фономъ. Идеальны, это кажется единственno, преклоненіе предъ римскимъ престоломъ, какъ предъ престоломъ апостола Петра. Съ этого собственно и началъ со мною бесѣду г. Colas вчера, когда мыѣхали

длинный путь изъ улицы Беранже въ Католический Институтъ въ автомобиль. Онъ просто даже не понимаетъ, какъ это можно отѣляться отъ Престола Апостола Петра, на которомъ Христосъ основалъ свою церковь. Мои разъясненія, что мы неуважаемъ не престолъ св. Апостола Петра, а Папу Римскаго, который почти ничего не имѣть общаго съ св. Апостоломъ Петромъ, почти ничего ему несказали. И это вполнѣ понятно: у нихъ вѣками впитано въ сознаніе безусловное преклоненіе предъ „св. престоломъ“ и не мнѣ за одинъ часъ разрушить эту идею.

Таковы взгляды двигателей конгресса, таковы они и у всѣхъ заправляющихъ дѣлами конгреса, а также и у всѣхъ приѣхавшихъ на таковой католиковъ.

Прежде чѣмъ выступить съ моимъ докладомъ, я постарался заготовить почву, на которую я могъ-бы опереться, ибо въ докладѣ я не очень-то жалую ихъ и, слѣдовательно, я рисковалъ не только не быть выслушаннымъ, но даже и удаленнымъ съ собранія, а то и похуже того. Это я сразу понялъ, какъ только освоился съ духомъ собравшихся и заправлявшихъ.

Одно дѣло—эсперантизмъ и совершенно другое дѣло—католичество.

Мои догадки очень ярко подтвердились: въ первый-же вечеръ когда делегаты всѣхъ странъ привѣтствовали конгрессъ, мнѣ слова не было дано. Я уже признался сталъ опасаться за судьбу своей миссіи. Но рѣшивъ быть настойчивымъ и отъ намѣченной задачи не отступать, я тотчасъ-же выразилъ свое недоумѣніе о причинахъ—почему мнѣ не дали сказать привѣтствія. Вышло неловкое замѣшательство. Никто не сумѣлъ надлежащимъ образомъ объяснить эту причину. Своимъ спокойствіемъ я, кажется, убѣдилъ ихъ, что изъ моихъ рѣчей скандала не будетъ, и потому дать слово мнѣ необходимо. (Выяснилось, что они побоялись дать мнѣ слово изъ боязни, чтобы я не произвелъ какого-либо замѣшательства). Мнѣ дали слово, что на завтра, когда собраніе специально посвящается вопросу единенія церквей,—будетъ дано слово и мнѣ и другимъ не католикамъ. (Англиканскій насторъ). Открытие конгресса, чтеніе декларации комитета, рѣчи: профессора института Пастро-Ричардсона, баронессы де-Мениль, Кола

и др. были очень оживленныя и часто прерывались овациями, на которых французы очень расточительны.

Я, не отступая отъ обычая нашего не аплодировать въ рѣчахъ, касающихся такого серіознаго дѣла какъ религія, строго воздерживался отъ аплодисментовъ. Это удивляло французовъ крайне. Потомъ меня обѣ этомъ спрашивали. Я отвѣчалъ, что у насъ считается это неприличнымъ; если мы находимся въ духовныхъ собранияхъ.

Послѣ рѣчей руководителей конгреса было предоставлено слово депутатамъ различныхъ народовъ для привѣтствія конгреса. Восторгъ французовъ достигъ высокихъ предѣловъ, ибо ихъ крайне радовало, что они понимаютъ языкъ всѣхъ говорившихъ. До 17-ти націй представлялись здѣсь!

Мнѣ слова дано не было, какъ я уже это выше сказаль.

Первое собраніе было закрыто довольно поздно.

На слѣдующій день по программѣ назначалось: въ 10 час. утра въ церкви Института (Капелла Кармелитовъ) заупокойная литургія о упокоеніи душъ: основателя католического журнала на эсперанто аббата Цельтьера и всѣхъ умершихъ эсперантистовъ католиковъ; эсперантскія псалмы, проповѣдь на эсперанто аббата Ричардсонъ, пѣніе гимна „*Veni Creator*“, въ половинѣ 12-го посѣщеніе извѣстной парижской церкви „*Notre-Dame*“, представление эсперантского флага для образовавшагося „Всемірного эсперантскаго католического союза“ для освѣщенія къ подножію „Парижской Богоматери“; послѣ обѣда, въ половинѣ третьяго, дѣловое засѣданіе, въ которомъ должно заслушать: рапортъ профессора Ричардсонъ „О единѣтвѣ церкви“, Г. van-Schoor бельгійца, „обѣ однообразномъ произношеніи латинскаго языка“, приемъ дѣвочекъ эсперантистокъ изъ училища S-t-Gervais. Маленькая рѣчь священника настоятеля S-t-Gervais.

На панихидѣ я не былъ. Это интереса не представляло. Но при посѣщеніи *Notre-Dame de-Paris*, участвовалъ. Это очень интересное шествіе по улицамъ Парижа цѣлою массою во главѣ со знаменемъ эсперанто. Собственно говоря, этой процессіей католики добивались иѣсколькихъ цѣлей: во-первыхъ обратить внимание французского народа, отшатнувшагося отъ церкви, на могущество католичества, состоящаго изъ такого числа народовъ, которое

представлялось здѣсь; во-вторыхъ: освятить знамя образовавшагося всемірного католического союза у подножія высокочтимой статуи „Парижской Богоматери“ и въ третьихъ—пропаганда эсперанто.

И нужно признать, что всѣ эти цѣли въ достаточной степени были достигнуты, а въ особенности послѣдняя. Парижане невольно обращали вниманіе на это довольно-таки интересное шествіе и невольно заинтересовывались разнообразіемъ собравшихся національностей, очень любезно бесѣдующихъ между собою на эсперанто. Но рта зѣвакамъ разѣвать не долго давали: имъ тотчасъ-же совалась пропагандная брошюрка или листокъ объ эсперанто.

Что-же касается цѣлей католичества, то они всего менѣше достигались, ибо къ нему здѣсь питають въ самомъ лучшемъ случаѣ—недовѣrie; но освященіе штандарта прошло отлично и очень оживленно.

Въ особенности торжественно была пропѣта кантата Богоматери на эсперанто—„Ave Marie“.

Въ толпѣ этой, изъ числа непринадлежащихъ къ католичеству, было нась только четверо, я, одинъ сухумскій грекъ—русской государственной церкви, одинъ англиканецъ-пасторъ и еще какой-то англичанинъ. Кромѣ меня, всѣ эти трое тоже увлеклись жаромъ воодушевленія и также охотно пѣли кантату какъ и католики. А въ особенности интересенъ былъ во время пѣнія одинъ изъ англичанъ, слегка глуховатый, очевидно любящій пѣніе и никакъ не попадавшій въ тактъ.

Здѣсь-же на эсперанто была сказана маленькая проповѣдь о значеніи знамени и его освященіи.

Въ половинѣ третьаго открылось засѣданіе, на которомъ долженъ былъ выступить и я. Присутствовало два епископа. Засѣданіе было очень торжественно и публика, предупрежденная заранѣе о выступлѣніи иначе-мыслящихъ очень напряженно ждала этого момента. Richardson кончилъ. Публика еще болѣе оживилась. Первому дано было слово пастору Англиканской церкви. Докладъ его былъ очень длиненъ и читанный очень неумѣльымъ языккомъ и притомъ монотонно, безъ выразительности, утомилъ публику и потому многие стали выходить. Я боялся за то, что всѣ разойдутся отъ этой скучищи и мнѣ придется говорить предъ пустымъ заломъ, но оказалось, что къ концу его чтенія, публика снова заполнила

залъ. Нужно замѣтить, что за эти дни моего пребыванія между конгресанами, я усільъ ихъ очень за расположить къ себѣ и заинтересовать положеніемъ нашей церкви, такъ что мой докладъ они ждали очень охотно. При этомъ моя виѣшность ихъ всѣхъ очень интриговала, такъ какъ между всѣми ими я былъ одинъ оригинально националенъ и оригинально религіозенъ. У нихъ религія вообще какъ-то такъ-себѣ, какъ-то, какъ будто для забавы, тогда какъ у меня они наблюдали другое. Все это г.г. конгресанъ интересовало и потому естественно, что имъ хотѣлось поскорѣе узнать и мою внутреннюю сторону. И какъ потомъ оказалось, и она была отмѣнна отъ другихъ, ибо ничего подражающаго она въ себѣ не имѣла, а выражала чисто-восточно-православный независимый взглядъ на католичество. Въ особенности они были поражены способомъ, какимъ я осѣнилъ себя крестнымъ знаменемъ при началѣ чтенія доклада. Ихъ удивила во-первыхъ, истинность осѣненія, что у насъ обычно, а у нихъ слишкомъ необычное явленіе и во-вторыхъ, имъ бросилось въ глаза, что я не на лѣвое плечо положилъ крестное знаменіе сначала, а на правое, и потомъ уже на лѣвое. Послѣ они меня много спрашивали объ этомъ, вступали въ защиту своего способа креститься, но мои объясненія значенія перстосложенія и осѣненія — убѣдили ихъ въ превосходствѣ нашего способа осѣнять себя крестнымъ знаменіемъ. И не только священники этимъ интересовались, но и миряне всѣ, и всѣхъ это удивляло (на сколько разумно двуперстіе), но въ особенности были заинтересованы этимъ женщины: онѣ бѣдныя даже и представленія не имѣли, что креститься надо истово, что персты слагать надо съ извѣстною богословскою мыслью и т. д. Воспользовавшись случаемъ при поѣздкѣ нашей въ Версаль, онѣ въ вагонѣ распрашивали меня о нашихъ обрядахъ и обычаяхъ. Они были очень удовлетворены моими разъясненіями и сейчасъ-же замѣтили тутъ-же сидѣвшимъ священникамъ, что зачѣмъ-же у нихъ ко всему такое небреженіе? Вообще все время моего пребыванія на конгресѣ было хотя и очень скромною, для нихъ незамѣтною, но съ моей стороны настойчивою проповѣдью ученія св. Христовой церкви.

По окончаніи чтенія пасторомъ англійской церкви своего доклада, было предложено высказаться и мнѣ. Но прежде чѣмъ

мнѣ дали высказаться, главный секретарь конгресса г. Colas сдѣлалъ на французскомъ языкѣ поясненіе о моей личности и о церкви, которой представителемъ являюсь я. Въ этомъ поясненіи онъ по простой оплошности объяснилъ, что я представитель церкви, которую въ Россіи зовутъ „раскольники“ (онъ русскій терминъ „раскольники“ употребилъ потому, что въ своихъ учебникахъ они его не перевели, а употребляютъ въ оригиналной формѣ), что явился я сюда съ такими-то цѣлями и т. д. Когда онъ кончилъ, я взошелъ на ораторское мѣсто, поклонился на центръ, на право и на лѣво (за что получилъ аплодисменты), по обычаю нашей св. Христовой церкви осѣнилъ себя широко крестнымъ знаменемъ и первымъ долгомъ послѣшилъ разъяснить ошибку г. секретаря съ терминомъ „раскольникъ“, т. е. что мы не суть раскольники, т. е. схизматики, а что мы совершенно православные люди, но не послѣдовавшіе за реформами п. Никона въ виду его нововведеній, которыхъ совѣсть наша не допускаетъ принять. Спокойное и дѣловое разъясненіе этого сразу вызвало взрывъ аплодисментовъ, а еще того больше ихъ было, когда г. предсѣдатель разъяснилъ по французски (для тѣхъ, которые не совсѣмъ понимаютъ эсперанто или же незнающимъ его, которыхъ также было много), мое заявленіе и предложилъ г. Colas извиниться предо мною. Тотъ, конечно, это охотно исполнилъ, тѣмъ болѣе, что я не ставилъ ему это въ умышленность, а просто въ незнаніе истиннаго значенія слова „раскольникъ“. Публика была очень довольна этимъ случаемъ и много смеялась надъ бѣднымъ секретаремъ.

Докладъ мой уже известенъ читателю. Онъ также довольно длиненъ, но написанный на пишущей машинѣ, да въ два цвѣта, чтобы оттѣнить болѣе сильныя мѣста, при этомъ предварительно мною проштудированный, былъ мною не прочитанъ, а почти что разсказанъ. Благодаря ясности и выразительности, съ какими я велъ свой докладъ, публика съ жадностью ловила слова, произносимыя мною при томъ съ умышленною медленностю, дабы дать всякое слово усвоить въ умѣ слушателя. По мнѣнию французовъ, четливость выговора и ясность словъ всегда отличаетъ русскихъ отъ другихъ народовъ, пользующихся чужими языками. Во многихъ мѣстахъ докладъ прерывался аплодисментами и даже криками—браво—что еще до сего ни разу не было слышано. Насколько въ

замѣтилъ, все это было не то обычное, что у нихъ наблюдается завсегда, а нѣчто выражающее ихъ душевное настроеніе. Въ особенности имъ понравилась пословица про папу (не взирая на всю ихъ любовь къ нему) и то мѣсто, гдѣ я приглашаю эсперантистовъ къ просвѣщенію пастырей и народа и гдѣ говорю, что религіозная ненависть привита народнымъ массамъ—нашими „христіанскими“ пастырями. Также было внимательно прослушано исповѣданіе вѣры нашей церкви.

Сообщеніе о священникѣ Сусалевѣ очень опечалило духовенство, а указаніе, какимъ путемъ идти на путь правильныхъ сношеній, очень заинтересовало его.

Когда шумъ аплодисментовъ закончился и я занялъ свое обычное мѣсто, г. предсѣдатель выступилъ въ разъясненіе моей рѣчи, которую онъ разъяснялъ по французски, указывая на то, что теперь прежнихъ недоразумѣній не существуетъ, а осталось одно только незнакомство, и на этомъ незнакомствѣ построенные недоразумѣнія; и что теперь намъ можно идти къ единенію, такъ какъ католичество и все таково, какимъ считаетъ нась эсперантисты г. русскій (такъ какъ наши русскія имена и фамиліи они никакъ не могутъ использовать, то обычно было принято называть: „Синьоро-Руса“, „синьоро-Германа“ и т. д.), оно жаждетъ единенія, оно молитъ объ этомъ ежедневно, оно всѣхъ христіанъ и даже не христіанъ считаетъ братьями, оно всѣхъ любить и никого не преслѣдуjeтъ, ну а прошлое надо забыть. Ничего мы отъ восточныхъ не требуемъ, мы все у нихъ считаемъ святымъ, обряды, обычаи, языкъ богослуженія, ихъ священниковъ за священниковъ и т. д. и лишь просимъ признать старѣйшинство Римскаго престола и только.

Послѣ него говорилъ извѣстный эсперантистъ писатель ксендзъ изъ Литвы (Ковно) Домбровскій, который указалъ, что желательно бы имѣть не единеніе, это задача очень далекая, а сближеніе хотя-бы, и того ужъ было-бы достаточно. Благодарилъ за сдѣленный мною починъ къ переговорамъ и указаніе путей къ этому сближенію. Извинялся за ошибку, допущенную въ приемѣ Сусалева, о нравственности и запрещеніи каковаго они недостаточно навели справокъ и т. д.

Такъ какъ въ мои задачи не входило диспутировать, то я на все это не нашелъ нужнымъ что либо сказать.

Послѣ этого былъ объявленъ перерывъ. По выходѣ изъ зала я получилъ множество привѣтствій и поздравленій съ успѣхомъ. Въ особенности благодарили дамы и все удивлялись способностямъ русскихъ пользоваться чужими языками.

Нашъ русскій-грекъ изъ Сухума г. Метакса, такъ тотъ сразу заговорилъ по-русски отъ радости: Спасибо, спасибо. Какъ ловко вы обошли оstryя мѣста—сказали все, что сказать нужно, а необходимо. Какъ это ловко вышло у васъ, а я было страшно напугался когда вы, отѣлавъ нашу-то церковь, да перешли къ нимъ, ну думаю, какъ начнетъ жарить прямо по-русски, такъ все и пропало... Молодецъ. Спасибо... спасибо. Сказано все!...

Вотъ такимъ-то образомъ и былъ заслушанъ мой докладъ. Результаты его въ будущемъ. На этотъ разъ надо считать, что сдѣланного достаточно: люди разойдутся отсюда въ 17 странъ и всюду понесутъ воспринятую вѣсть о нашей многострадальной церкви, о ея надеждахъ, любви и чаяніи братства. Протоколы конгресса будутъ напечатаны, куда войдетъ и докладъ мой, и разошлются по всему миру. О немъ говорятъ газеты Франціи и другихъ государствъ, репортеры которыхъ присутствовали на конгрессѣ. Незамѣтно для себя католики свыклись со мною, сдружились, сдружились до того, что всѣ пасторы усердно просили меня къ себѣ въ гости въ свои приходы, гдѣ обѣщали всѣмъ приходомъ оказать мнѣ братскій приемъ и дружбу. Усердно просили прїѣзжать на 2-й конгресъ, который они назначаютъ въ Нидерландахъ, въ Гаагѣ, во дворцѣ мира.

Очевидно вечеромъ этого дня презедіумъ имѣлъ совѣщеніе по моему докладу и рѣшилъ вести переписку съ мною указанными въ докладѣ епископами и поручилъ священнику Домбровскому переговорить со мною объ адресахъ епископовъ Александра и Иннокентія, а также и о болѣе успешныхъ способахъ веденія переговоровъ. Я далъ адреса и надлежашія указанія, которыя ими и прияты къ свѣдѣнію.

Казалось-бы съ окончаніемъ этого дѣла моя міссія на конгресѣ кончена. Но въ виду того, что у насъ очень мало известно о жизни католической церкви на западѣ, я рѣшилъ продолжать

мои посещения конгреса и наблюдать за этою жизнью съ тѣмъ, чтобы потомъ по мѣрѣ силъ моихъ передать это моимъ братьямъ старообрядцамъ. Свободное же время отъ дѣлъ конгреса я посвящалъ рысканью по музеямъ Парижа, отыскивая какія-либо древности, пригодныя для освѣщенія темныхъ мѣстъ исторіи христіанской церкви.

Вынужденъ отмѣтить, по возможности сжато, всѣ выдающіеся моменты дѣятельности конгреса, которая такъ или иначе даютъ представленія о способахъ, которыми католичество старается укрѣпить и расширить свою церковь.

Вотъ, напримѣръ, хотя-бы этотъ назначенный на сегодня пріемъ конгресомъ дѣвочекъ школьнницъ. Самъ по себѣ, это казись и ничтожный случай, но замѣтьте какъ задуманъ. Какая въ немъ цѣль!.. Дѣвочки пришли съ очень маленькаго возраста до возраста лѣтъ въ 17. Они пришли одѣтыми въ одинаковые костюмы, съ знаменемъ, изящно сдѣланнымъ, съ соответствующими случаю надписями на немъ. Пріемъ устроили тогда, когда всѣ утомились отъ серіозныхъ вопросовъ. Къ пріему была приготовлена маленькая колыбель. Дѣвочки входя привели съ собою куклу, яко бы ребенка съ прогулки, котораго они укладывали спать, интересно пой колыбельную пѣснь. Зрѣлище такъ было мило, что усталость была мгновенно забыта и всѣ, сіяющіе, смотрѣли на дѣйствіе этихъ начинающихся жизней. Дѣйствовали дѣвочки отъ лѣтъ 4 до 9—10, старшія были статистками. Потомъ, когда всѣ достаточно отдохнули подъ пріятными впечатлѣніями отъ этого зрѣлища, дѣтямъ дали гостинцевъ и ихъ убрали. Работа конгреса снова пошла бодро впередъ.

Вопросъ о правильномъ произношеніи латинскаго языка вызвалъ долгіе дебаты. Этотъ вопросъ, кроме его произношенія, которое повсюду хромаетъ, связанъ еще съ тѣмъ, чтобы сохранять для будущихъ вѣковъ оригиналы твореній святыхъ отцевъ древности,-писанныхъ, какъ известно, чуть-ли не въ большинствѣ, на этомъ языкѣ. Католики очень заботятся, чтобы этотъ языкъ не былъ забыть окончательно, и чтобы новые переводы твореній свв. оо. можно было свѣрять съ оригиналами.

Этими преніями и закончился 2-й день работы конгресса.

Но интересенъ, и для насъ характеренъ, инцидентъ, кото-

рый разыгрался во время преній по этому вопросу: пренія были довольно жаркія, никакъ не могли прийти къ заключенію, а какъ же постановить произносить этотъ языкъ, вѣдь его произносятъ всѣ различно и никакой народъ не захочетъ отказаться отъ своего произношенія? Вопросъ замучилъ всѣхъ. Тогда одинъ попъ спрашиваетъ, а какъ-бы это желалъ сдѣлать папа? Ему отвѣтили что папа никакъ не хочетъ лично, но выразилъ пожеланіе чтобы его произносили такъ, какъ его произносятъ итальянцы. За это и ухватились: разъ папа это пожеланіе выразилъ, тогда намъ и нечего разсуждать—вѣдь желаніе папы, это законъ, а противъ закона намъ идти нельзя. Такъ и постановили. Но вдругъ, гдѣ-то заговорившійся пастро-Бланкини, итальянецъ, спохватился, выскакиваетъ на кафедру и, страшно горячась, доказываетъ, что это абсурдъ, что мы не должны абсолютно слѣдовать желаніямъ папы, что это нась заведеть Богъ знаетъ куда... Вы поймите, горячится онъ, что вы хотите сдѣлать съ языккомъ: вѣдь это уже будетъ не латинскій языкъ, а совершенно другой, ибо мы, итальянцы, коверкаемъ его, а не говоримъ на немъ. Никакихъ уступокъ быть не можетъ, языкъ существуетъ безъ нась и мы должны только путемъ изученія добиваться его правильнаго произношенія, такъ, какъ нась учитъ наука. Пренія снова завязались, ибо полагали, что если дать этотъ вопросъ на разрѣшеніе людей науки, то они заведутъ между собою такую полемику, которая не кончится столѣтія и вопросъ будетъ открытымъ все время ихъ преній, да и надо полагать, что они никогда не придутъ къ соглашенію, а по этому ужъ лучше рѣшить этотъ споръ сразу...

На 3-й день (1-го Апрѣля=19-е Марта) программа была такова: утромъ половина 10-го, рабочее засѣданіе: чтеніе докладовъ объ организаціи культа г.г. аббатта Duvaux (французъ), Parker (ирландецъ), и делегата Шотландіи; объ общественной католической дѣятельности г. Лютке (Lutkie—нидерландецъ), и г. Parmentier (бельгіецъ). Въ половинѣ 3-го, рабочее засѣданіе: чтеніе доклада о католической пропагандѣ и сообщеніяхъ средствами эсперанто D-го Coll (испанецъ); о католическихъ средствахъ протектировать посредствомъ эсперантского всемірного союза г. Colas (французъ).

Въ половинѣ 9-го вечеромъ, пропагандная сходка въ католическомъ клубѣ rue de Luxembourg., 18). Программа вечера: „Эспе-

ранто и слѣпые“ докладъ Брата Изидоро, бельгійца, 30 лѣтъ занимающагося воспитаніемъ и обученіемъ слѣпыхъ въ специальномъ институтѣ въ Брюсселѣ; небольшая рѣчь съ свѣтовыми картинами г-жи Баронессы de Menil (француженка); пѣніе и декламаціи на эсперанто.

Заслуживаетъ быть отмѣченнымъ этотъ вечеръ: подъ видомъ развлечений, собрана была многочисленная публика и подъ соусомъ пѣній, декламаций, чтенія съ туманными картинами—преподносится очень важная и интересная рѣчь брата Изидоро (его такъ всѣ почему-то звали), о воспитаніи и обученіи слѣпыхъ и глухонѣмыхъ.

Вечеръ былъ полонъ хорошаго, здороваго интереса, но жаль что „фрато-Изидоро“, не талантливый ораторъ, его даже свои собратья попы на этотъ вечеръ прозвали „официальный цирюльникъ“, т. е. только дерущій, а не бреющій, что значить—дурно говорящій. Но тѣмъ не менѣе, послѣ его рѣчи былъ сдѣланъ приличный сборъ въ пользу учрежденія, гдѣ онъ воспитываетъ слѣпыхъ.

Видите, какъ все это ловко строится: и удовольствія и важное дѣло!..

4-й день. Суббота, 2 Апрѣля—20 Марта: экскурсія и обѣдъ въ Версалѣ. Это извѣстный городъ Франціи. Опять надо выразить удивленіе г-жѣ баронессѣ de Menil, такъ поразительно практично все устраивающей. Это положительно неутомимая женщина, страшно изобрѣтательная и всюду своею собственною персоною поспѣвающая. О ней, да о ея главномъ сотрудникѣ, еще совсѣмъ молодомъ человѣкѣ г. Colas, можно сказать одно, что будь-бы въ католичествѣ побольше такихъ разумныхъ-католиковъ-фанатиковъ, то католичество дѣйствительно было-бы велико. Но мало такихъ. Ихъ только двое.

Вотъ эта экскурсія: со всѣхъ пожелавшихъ принять участіе въ таковой было взято по 5 франковъ. За эти 5 франковъ былъ заказанъ поѣздъ туда и обратно и сервиранъ великолѣпный обѣдъ. Цѣль поѣздки какъ будто увеселительная, но на самомъ дѣлѣ все-таки имѣющая внутренній смыслъ. Католики страшно тоскуютъ о монархіи, о деспотіи, а версальскій дворецъ сплошной памятникъ величія монархической Франціи. И всякий, кто туда

заглянетъ, невольно преклонится предъ величиемъ старой, Королевской Франціи. Вотъ эта-то цѣль, я думаю, и преслѣдовалась баронессою.

Я лично, конечно, съ отвращеніемъ смотрѣлъ на всѣ эти массовыя избіенія однихъ народовъ другими, старательно выписаныхъ на огромныхъ полотнахъ и ходилъ особнякомъ, но когда мое вниманіе обратили на картину наполеоновскихъ побѣдъ въ Россіи, то я имъ предложилъ посмотреть картины у насъ въ Россіи, изображающія какъ наполеонъ домой изъ Россіи возвращался...

Въ заключеніе: дворецъ все-таки стоитъ внимательно осмотрѣть и его окрестности тоже.

5-й день. Воскресенье, 3 Апрѣля—21 Марта. Закрытие конгресса. Въ 10 утра месса и пѣнія въ церкви католического института.

Въ 3 пополудни—сходка въ Базиликѣ, на монтмартрѣ и половина 8-го вечеромъ торжественный обѣдъ въ «Palais d' Orleans» (200 avenue du Maine).

Въ послѣднихъ двухъ дѣйствіяхъ также замаскированная пропаганда. Она удалась и на монтмартрѣ и въ обѣдѣ.

Посредствомъ этой прогулки на высоты монтмартра, откуда весь Парижъ является подъ ногами, и посредствомъ чисто семейного обѣда, огромнымъ скопищемъ, достигалось большое сплоченіе всѣхъ конгресистовъ, чего собственно и хотѣлось.

Послѣ обѣда нѣсколько общихъ пѣснопѣній подъ аккомпаниментъ на рояль той-же г. de Menil, а затѣмъ удивительно удачно устроенное представленіе семи дней міротворенія посредствомъ волшебнаго фонаря подъ пѣніе на эсперанто библейскаго сказанія о дняхъ творенія. Фонарь ловко давалъ появленія всего творимаго по волѣ Божіей—въ каждый день творенія,—удачно совпадая съ пѣніемъ библейскаго сказанія.

Впечатлѣніе очень сильное!!!

Этимъ и закончился съездъ официально. Но затѣмъ пошли семейныя приглашенія избранныхъ лицъ, уже съ специально пропагандою эсперанто. Это описывать въ наши задачи не входитъ, а поэтому мы обратимся къ другимъ предметамъ, имѣющимъ значеніе для св. Христовой Церкви.

Я уже говорилъ, что посѣтивъ множество парижскихъ церквей я ничего въ нихъ не нашелъ исторически цѣннаго, кромѣ одной статуи св. Ап. Петра въ храмѣ св. Сульпиція, копіи римской статуи, находящейся въ храмѣ св. Ап. Петра, имѣющей двуперстіе и уже давно извѣстной намъ по мною распространеннымъ снимкамъ съ нея. Теперь долженъ прибавить, что музеи тоже оказались пусты въ этомъ отношеніи, лишь въ Луврѣ мною найдено нѣсколько вещей имѣющихъ большую цѣнность.

Фотографическімъ копіи съ нихъ удалось пріобрѣсти не со всѣхъ и, къ великой досадѣ, какъ разъ не удалось пріобрѣсти фотографій съ тѣхъ предметовъ, которые представляютъ изъ себя наибольшій интересъ. Это предметы, находящіеся въ залѣ, называемомъ по французски „de Joye“, гдѣ хранятся исключительно предметы, рѣзанные изъ слоновой кости. Напримѣръ, я обращаю вниманіе на диптихъ, хранящійся подъ № 2—VI вѣка; на пластинку подъ № 18—XI—XII вѣка (эти два предмета латинскаго происхожденія) и пластинки византійского происхожденія: 14—X—XI в., 34—XII половины XIII вѣка и 32—XIII вѣкъ. На этихъ вещицахъ очень ярко бросается въ глаза двуперстное перстосложеніе, которое, очевидно, и было въ то время употребляемо какъ восточными христіанами, такъ же точно и западными. Если внимательно прослѣдить исторію перстосложенія по историческимъ памятникамъ всѣхъ христіанскихъ странъ, то можно безъ особаго затрудненія прийти къ выводу, что двуперстіе есть дѣйствительно самое древнее перстосложеніе, бывшее по внѣшности въ III—IV вѣкахъ не совсѣмъ сходнымъ съ теперешнимъ старообрядческимъ, начиная съ VI вѣка и кончая XII оно приняло очень ясную и точную форму теперешняго старообрядческаго и съ половины, а точнѣе съ XIII вѣка, на западѣ оно начинаетъ видоизменяться и получаетъ видъ, какой мы видимъ на иконѣ „Тихвинской“ Богоматери въ большинствѣ, и въ рѣдкихъ случаяхъ (къ концу XIII) проскальзываетъ подобіе именословнаго и чѣмъ ближе къ нашему времени, тѣмъ сильнѣе измѣняетъ форму свою и превращается на востокѣ въ именословное, а на западѣ просто въ никакое, ибо великій перстъ западные дѣлаютъ особо стоящъ, указательный и средній держать какъ и мы старообрядцы, а два послѣднихъ пригибаютъ къ ладони. Все это показываетъ, что эти измѣненія про-

изошли совершенно безсознательно, въ силу простого небреженія, а затѣмъ укоренились во времени и стали обычными.

На картины и иконы обращаю вниманіе путешествующихъ моихъ собратій подъ №№ 1260, 1563, хотя нужно имѣть въ виду, что имъ иногда нумерациія и мѣняется.

Эти добытые мною матеріалы я попробую использовать современемъ для всеобщаго свѣдѣнія, хотя признаться, при настоящихъ условіяхъ это задача не легкая: нашъ журналъ недостаточно богатъ, чтобы давать многія и богатыя иллюстраціи, а въ другихъ журналахъ имъ мѣста не найдется.

Н. Зенинъ.

Психологія отступничества.

Отступниками вообще, и отступниками религіозными, въ частности, принято называть тѣхъ, кто по какимъ-нибудь зависящимъ или независящимъ причинамъ оставляетъ свои прежнія убѣждѣнія, въ которыхъ онъ вѣрилъ и которыхъ считалъ за истину, и принимаетъ новыя. Но отступникомъ такое лицо называется только его старыми сообщниками по вѣрѣ, чьи убѣжденія онъ держаль до своего отступничества. Напротивъ, общество, убѣжденія кото-раго воспринимаетъ новый членъ, не считаетъ его отступникомъ.

Такимъ образомъ, одно и то же лицо въ одно и то же время по сужденію однихъ считается отступникомъ, а по сужденію другихъ причисляется къ вѣрнымъ, какъ возвратившееся отъ заблужденій.

Въ данномъ случаѣ мы будемъ говорить объ отступникахъ изъ религіознаго быта, придерживаясь при этомъ нейтральной точки зрѣнія и не разбираясь въ томъ, отступникъ ли онъ на самомъ дѣлѣ, или возвратившійся къ истинѣ.

Пусть это будетъ перемѣна тѣхъ или другихъ убѣжденій, той или другой религіи, все равно дѣйствующее лицо мы назовемъ отступникомъ и будемъ рассматривать его наравнѣ съ прочими.

Типичные представители отступничества, которыхъ намъ приходилось наблюдать или о которыхъ приходилось слышать отъ